

После того корпоратива Чжоу Тинъюнь хотел было пригласить Вэнь Цяньхэ поужинать, но тот, не раздумывая, вежливо отказался, сославшись на чрезмерную занятость подработкой.

Тинъюнь долго сверлил его взглядом, подавляя готовую сорваться с губ резкость. Наконец, когда они остановились у общежития, он не выдержал и наставительно произнес:

— Не смей подпускать к себе других мужиков слишком близко.

Вэнь Цяньхэ это даже позабавило.

— Слишком близко — это как? Есть какой-то стандарт? Мы с соседями по комнате каждую ночь спим в одном помещении — это считается?

— Вот об этом я и говорю. Ты можешь съехать отсюда и пожить у меня. Всё равно я уезжаю в Шанхай и неизвестно когда вернусь. Чего квартире пустовать? — Чжоу Тинъюнь не просто предлагал — он выудил из кармана связку ключей и, не дожидаясь согласия, впихнул её Цяньхэ в руку. — Переезжай. И побыстрее.

— Я не могу это принять. Мы ведь... — «...не настолько близки. Я бы с радостью держался от тебя подальше, не то что в квартиру твою въезжать». Но вслух он этого сказать не посмел. Воспоминание о том, как Тинъюнь чуть не придушил его в машине, всё ещё вызывало подспудный страх. — А когда ты вернешься, мне придется съезжать? Лишняя морока. Так что забудь. Я не буду ни с кем сближаться, мужчины меня, честно говоря, не особо интересуют.

Он попытался вернуть ключи, но Чжоу Тинъюнь перехватил его руку. Голос его стал на тон ниже:

— Женщины — тем более. Переезжай.

— Ладно. Я пойду, а то на подработку опоздаю, — Вэнь Цяньхэ убрал ключи и, не оглядываясь, скрылся в дверях общежития.

Чжоу Тинъюнь провожал его взглядом, пока тот не исчез из виду.

Вскоре Чжоу Тинъюнь действительно уехал. В Шанхае он участвовал в певческом конкурсе «Новый голос Китая», где по чистой случайности в кулуарах отборочного тура на этого гордого, уверенного в себе красавца обратил внимание режиссер проекта Ван Юнь.

Когда Вэнь Цяньхэ услышал, что Тинъюня заметил какой-то режиссер и зовет сниматься в кино, он впал в ступор минуты на три.

Есть же на свете такие везунчики: им не нужно заботиться о куске хлеба и крыше над головой,

их обходят стороной любые жизненные бури, и даже судьбоносные встречи небо подносит им на блюдечке.

«Цяньхэ, подписывать контракт или нет?» — пришло сообщение от Чжоу Тинъюня вместе с фотографией соглашения.

Вэнь Цяньхэ долго раздумывал и, наконец, дрожащими пальцами набрал ответ: «Подписывай».

«Правда?»

«Правда».

Он знал, что Тинъюнь обожает выступать, любит петь и грезит искусством, а компьютерные науки ему и даром не сдались. Если не ухватиться за этот шанс сейчас, позже под гнетом семейных обязательств и прочего давления о съемках придется забыть навсегда.

Была здесь и доля корысти: если он подпишет контракт и уедет с группой, то в университете не появится — а значит, наступит долгожданный покой.

Тинъюнь больше ничего не ответил. Цяньхэ предположил, что тот отправился на подписание.

Пока Чжоу Тинъюнь в статусе новичка осваивался на съемочной площадке, Вэнь Цяньхэ начал готовиться к экзаменам в магистратуру.

Позже Тинъюнь прислал свое фото в гриме. Ему досталась лишь роль второго плана, но для многих это был недостижимый предел — попасть в проект «с улицы», да еще и на важного персонажа.

На снимке Чжоу Тинъюнь предстал в историческом образе. Вэнь Цяньхэ долго не мог отвести глаз: длинные распущенные волосы, черное одеяние, точеные черты лица, тонкие губы и густые брови, в которых не было и тени прежней легкомысленности. Особенными казались глаза — чистые, сияющие.словно сошедший с древнего полотна красавец.

Неудивительно, что режиссер выбрал его с первого взгляда. Такой Тинъюнь завораживал.

— Очень красиво, — искренне похвалил Цяньхэ.

— Я тоже так думаю. Сначала роль была не моей, но режиссер Ван настоял на пробах. Стоило мне разок войти в кадр — и меня утвердили.

— Тогда работай на совесть, чтобы не подвести режиссера.

На видео Чжоу Тинъюнь то и дело прикрывал глаза от усталости:

— Всё-таки два месяца подготовки не прошли даром, базу я усвоил, теперь главное — практика. Ладно, Цяньхэ, учись давай, а я посплю немного.

— Хорошо-хорошо.

Вэнь Цяньхэ нажал «отбой» и вернулся к билетам.

На зимние каникулы он не поехал домой. Возвращение означало бы потерю заработка и сплошные траты. Дел было невпроворот: подработка, учеба, да еще и время на Чжоу Тинъюня, который из-за плотного графика стал писать реже. Но стоило тому прислать короткое «скучаю, хочу тебя увидеть», как приходилось выкраивать время для видеосвязи.

Ко всему прочему, Цяньхэ приходилось помогать Тинъюню обманывать его мать. Каждую неделю он отправлял ей фотографии; для этого даже пришлось освоить фотешоп, чтобы лепить их общие «учебные» снимки. Про съемки они молчали — говорили, что готовятся к экзаменам и потому не приедут на Новый год.

Тётя Хэ, на радостях от такого рвения, перевела сыну шестизначную сумму, чтобы «дети ни в чем себе не отказывали во время подготовки».

Каждый раз, когда приходилось лгать, Цяньхэ мучился угрызениями совести. Он понимал: любая ложь рано или поздно вскроется, и тогда он просто умоет руки, а разгребать последствия придется Тинъюню. Но чувства были двоякие: в конце концов, если «молодой господин» решил следовать за мечтой, пусть привыкает к трудностям. Не всё же коту масленица.

Поначалу съемки вызывали у Чжоу Тинъюня восторг и прилив адреналина. Но постепенно начались проблемы. Будучи новичком без связей и покровителей, он столкнулся с негласным бойкотом. Коллеги по площадке намеренно провоцировали его, срывая совместные сцены, а режиссер прилюдно распекал последними словами. Заступиться за него никто не решался.

Привыкший к всеобщему обожанию, Тинъюнь чувствовал себя раздавленным. Но гордость не позволяла ему жаловаться Вэнь Цяньхэ. Лишь когда становилось совсем невмоготу, он звонил и говорил: «Скучаю, включи видео».

— Молодой господин Чжоу, ну, какие сегодня вести с полей? Что интересного? — Вэнь Цяньхэ стал позволять себе некоторую вольность в общении. Вживую он бы на такой тон не решился, но на расстоянии... В худшем случае тот наорет в трубку, а пока долетит — Цяньхэ уже сто раз спрячется.

Тинъюнь в кадре просто молча смотрел на него. Казалось, какой бы паршивой ни была

ситуация, стоило ему увидеть спокойное, мягкое лицо Цяньхэ, как весь негатив улетучивался. Он уже строил планы: когда добьется успеха, обязательно заберет это сокровище к себе под крыло.

— Ты видеосвязь включил, чтобы просто поглазеть? Шел бы лучше сценарий учить. Не расслабляйся, молодой господин Чжоу, на твою роль целая очередь из желающих.

Тинъюнь усмехнулся:

— Я не просто гляжу. Сказал же — скучаю. Именно по тебе, и ни по кому больше.

Даже привыкнув к подобным откровениям, Вэнь Цяньхэ всё равно смущался. Человек на экране, до этого лежавший лицом на столе, наконец поднял голову.

— Чжоу Тинъюнь, что у тебя с лицом?

Тот замер. От радости он совсем забыл скрыть следы грима или...

— Это просто грим.

— Ты... сегодня опять что-то случилось? — Цяньхэ вспомнил, что с самого начала Тинъюнь вел себя странно. Обычно он трещал без умолку, а тут десять минут просто смотрел в экран.

— Ничего не случилось. Да и какая разница, если теперь я вижу тебя и всё плохое забылось.

— Не мели чепухи, — Цяньхэ понимал, что этот парень из тех, кто скорее умрет, чем признает слабость. Проведя с ним столько времени, он осознал: Тинъюнь — просто избалованный мальчишка, но не чета обычным мажорам. У него были свои идеалы, свои стремления, он никогда не хотел просто «наследовать империю». И если он что-то вбивал себе в голову — будь то роль или сам Цяньхэ — он шел до конца.

О его нынешней аванюре, кроме Цяньхэ, не знал никто.

До конца университета Вэнь Цяньхэ был готов играть роль его «жилетки» — но строго онлайн и строго до получения диплома.

— Какой же ты ворчун, Вэнь Цяньхэ. Кто в первый раз не косячит? А за ошибки положено наказание. К слову о тебе — ты-то где сейчас?

— В общежитие иду, — Цяньхэ поежился, на ходу держа телефон перед собой. На улице было по-зимнему зябко.

— Сколько раз повторять? Быстро съезжай оттуда! Ты что, специально меня бесишь? — Тинъюнь внезапно вспылел. Он три месяца талдычил об этом, а тот всё еще торчал в общаге.

— Перееду я, перееду. Раз на каникулы дома не остаюсь, придется где-то жить. Поселюсь у тебя.

Видя его покорность, Тинъюнь поостыл. Он хотел спросить, не нужны ли деньги, но побоялся обидеть прямолинейностью.

— Ты всё еще подрабатываешь?

— Угу, только что от ученика.

— К экзаменам надо готовиться, завязывай с этими подработками.

— Одно другому не мешает. Ладно, мой автобус пришел, отключаюсь.

Вэнь Цяньхэ понимал, к чему тот клонит, и поспешил оборвать разговор. Денежные отношения — это черта, которую он переступать не собирался.

Он заметил, что Тинъюнь стал относиться к нему куда теплее. То ли это произошло внезапно, то ли так было всегда... Цяньхэ старался об этом не думать. У них нет будущего, он уже продумал, как будет обрывать все связи, хотя Тинъюнь, судя по всему, рассчитывал на «долго и счастливо».

Тот постоянно твердил, что как только закончит съемки, сразу примчится, отвезет его в путешествие на собственные заработанные деньги и вообще будет «содержать» — и прочую бесстыдную чепуху.

Вэнь Цяньхэ обычно просто поддакивал. Между ними были тысячи километров, зачем портить друг другу настроение? К тому же, сегодня Тинъюнь впервые за долгое время сорвался на крик.

На период подготовки к экзаменам он и впрямь решил съехать: уходить ни свет ни заря и возвращаться за полночь было неудобно перед соседями. Библиотека закрывалась в половине десятого, а заниматься в комнате не получалось — двое соседей резались в игры ночи напролет, а третий ложился спать ровно в 21:30, и свет лампы ему мешал.

Раз Тинъюнь в ближайшее время не вернется и так настаивает — почему бы и нет?

Но просто занять квартиру казалось ему использованием чужой доброты. Предлагать аренду — только нарываться на грубость и скандал.

«Отдам потом, когда-нибудь. Бесплатно жить не буду», — решил он для себя.

В середине января, когда университет окончательно опустел, Цяньхэ перебрался в квартиру Чжоу Тинъюня.

В помещении, где давно никто не жил, было неуютно и холодно. К тому же Цяньхэ не сразу разобрался с бытовыми приборами. Поколебавшись, он всё же написал Тинъюню.

Тот, увидев сообщение, просиял так, что на съемках выдал идеальный дубль с первого раза.

Освободившись, он с невероятным терпением начал объяснять по видеосвязи, что и как включается, не забывая, впрочем, подтрунивать: «Ну ты и бестолочь, даже элементарных вещей не знаешь».

Но было видно, что он счастлив. Улыбка не сходила с его лица.

— Чжоу Тинъюнь, что за муха тебя укусила? Чего ты такой довольный?

Вэнь Цяньхэ под его «чутким» руководством уже успел вымыть голову и высушить волосы. Сейчас он сидел перед камерой в тонком халате; ворот распахнулся, открывая чистую белую кожу, на которой еще поблескивали капли воды.

Чжоу Тинъюнь не сводил с него глаз. Вдруг он оглянулся по сторонам и, понизив голос, прильнул почти к самому микрофону:

— Цяньхэ... сбрось одежду. Я хочу на тебя посмотреть.

<http://bllate.org/book/17446/1657797>